

ИРИНА СМЕРНОВА

Институт российской истории РАН

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ФИЛАРЕТ И РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Philaret, Metropolitan of Moscow, and the Russian Church Policy in the Eastern Siberia

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, Святейший Синод, Русская Духовная Миссия в Пекине, миссионерство

KEYWORDS: The Far East, China, The Sacred Governing Synod, The Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, missionary

ABSTRACT: The article is devoted to the Church policy of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia and the Far East with the participation of the Metropolitan of the Moscow Philaret (Drozdov, 1782–1867). Until recently historians did not focus their attention on “Asian” perspective of his activities, though there is an extensive historiography devoted to Moscow prelate. The most important aspects of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia during the 1810s – 1860s are considered on the basis of materials from Russian archives (RSHA, St. Petersburg) and the little-known documentary sources. Particular attention is paid to the fate of the British Ecclesiastical Mission (1818–1840) and the development of Orthodox missionary work in the Trans-Baikal region, the missionary work of St. Innocent (Veniaminov) in the Far East, the Russian Church policy in the Amur and Primorye regions after the Crimean War (1853–1856), the reorganization of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing (1860–1864). The role of the Metropolitan Philaret in the Russian Church diplomacy in the Far East is studied in the context of Russian-Chinese relations in the mid-Nineteenth Century.

Святитель Филарет, митрополит Московский (1782–1867), известен прежде всего как выдающийся церковный и государственный деятель, богослов и проповедник. Между тем, он был выдающимся церковным дипломатом, мнение которого определяло церковную политику России как в отношениях с Православными Патриархатами Востока, так и в контактах с христианскими Церквями Запада (Филарет 1885–1887, Смирнова 2014). При его участии в Москве были устроены подворья Восточных престолов, оказывалась помощь Русским Духовным Миссиям в Святой Земле и на Аляске (Климент 2009, Петров и др. 2011, Смирнова 2012/4), он стоял у истоков межконфессионального

диалога с Церковью Англии и Американской Епископальной Церковью (Смирнова 2010, 2012/6). Не менее значительным было участие московского святителя в российской церковной политике в Восточной Сибири (в том числе на русском Дальнем Востоке¹) и Китае, однако «азиатский» ракурс его деятельности до настоящего времени оставался вне внимания российских и зарубежных историков.

На основе документальных материалов можно выделить условно три периода различной степени вовлеченности московского святителя в «восточные» дела: 1) «синодальный», когда его присутствие в Синоде (до 1842 г.) оказывало решающее воздействие на принятие синодальных определений; 2) «предкрымский», связанный прежде всего с деятельностью «апостола Аляски», будущего святителя Иннокентия (Вениаминова) (1840–1853), и 3) «церковно-дипломатический» (первое десятилетие после Крымской войны), когда вопросы церковно-административного устройства и православного миссионерства в восточносибирском регионе оказываются в центре внимания российских светских и церковных политиков. Отметим основные вехи деятельности митрополита Филарета в эти периоды.

I

Как член Святейшего Синода, Филарет, несомненно, был осведомлен о делах в Иркутской епархии, управляемой в разные периоды его воспитанниками по Санкт-Петербургской или Московской духовным академиям. Так, Иркутскую кафедру с 1831 по 1835 г. занимал святитель Мелетий Иркутский², преемником Мелетия стал другой воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии времен ректорства Филарета епископ Иннокентий (Александров)³, находившийся на Иркутской кафедре с 1835 по 1838 г. К этому времени относится синодальное дело о книгах Нового Завета на монгольском языке для Забайкальской английской миссии (РГИА, ф. 796, 3–5об.), история которой заслуживает особого внимания (Тиваненко 2009).

Решение об открытии в Восточной Сибири представительства Лондонского миссионерского общества, как «одного из наиболее крупных и важных

¹ После реформы административно-территориального устройства Сибирского региона и разделения Сибири на два генерал-губернаторства, Западной Сибири и Восточной Сибири (т. н. «Сибирское учреждение» М. М. Сперанского 1822 г.), в Восточную Сибирь с центром в Иркутске входили Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская и Якутская области (выделенные из Иркутской губ. в 1851 г.) а также Приморская область (с 1856 г., с присоединением Уссурийского края в 1860 г.), Амурская область (с 1858 г.), и о. Сахалин. Такое положение сохранялось до 1884 г. (см.: Зуев и др. 2009).

² Святитель Мелетий (Леонтович; 1784–1840), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 18.07.1831 по 22.06.1835.

³ Епископ Иннокентий (Александров; 1793–1869) управлял Иркутской епархией с 22.07.1835 по 23.04.1838.

миссионерских центров Великобритании в мире» (Тиваненко 2009, 16), было принято 26 декабря 1814 г. на основании сведений о Восточной Сибири, Иркутске, в том числе о численности и конфессиональной принадлежности населения региона, полученных от пастора Дж. Паттерсона, главы Шотландской миссии на Кавказе, и бывшего члена той же миссии пастора Р. Пинкертона, при содействии которых в 1813 г. было учреждено Библейское общество в Санкт-Петербурге. Одной из целей учреждения английской миссии в Забайкалье была подготовка к британскому миссионерскому проникновению в закрытый для европейских держав Китай со стороны его северной границы.

Забайкальская английская миссия пользовалась полной поддержкой Александра I, который 5 января 1818 г. «выразил готовность содействовать их богоугодным начинаниям и сообщил о готовности даровать им акт о владении земель для основания миссионерского заведения» (Тиваненко 2009, 24). Правда, наряду с изданием императорского указа об открытии протестантской миссии, последовало Высочайшее повеление «об усилении деятельности православной миссии в Иркутско-Забайкальской епархии», что свидетельствует о том, что император трезво оценивал ситуацию и понимал, каких последствий можно ожидать от присутствия английских миссионеров.

В конце 1819 г. не без участия миссионеров было открыто Иркутское отделение Санкт-Петербургского Библейского общества, директорами которого стали епископ Михаил (Бурдуков) и сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский. В качестве наиболее подходящего для миссии места был избран Селенгинск, более удаленный от церковной и светской власти и более близкий к границе с Цинской империей город.

Миссионеры оказывали кочевникам Забайкалья врачебную помощь, устроили школы и типографию, изучали монгольский, тибетский, маньчжурский языки, бурятские наречия, как и их коллеги в Юго-Восточной Азии, уделяли большое внимание переводам христианских книг на «монголо-бурятский язык», распространяя изданные типографским способом переводы среди бурят. Запрет в 1824 г. Российского библейского общества с его региональными отделениями, отставка князя А. Н. Голицына и последовавшая вскоре кончина Александра I не замедлили сказаться на положении Забайкальской британской миссии. В 1826 г. в Петербург поступили материалы для рассмотрения вопроса о ее закрытии, и хотя первая попытка свернуть деятельность миссии успеха не имела, ее упразднение оставалось делом времени.

С тех пор основные усилия миссионеров были сосредоточены на проповеди Священного Писания среди бурят и монголов. В 1836 г., нуждаясь в книгах Нового Завета на местном языке, миссионеры обратились в Российское Евангелическое библейское общество и, ссылаясь на «значительный запрос между монголо-бурятами Св. Евангелия на их языке», просили ходатайствовать перед Св. Синодом об уступке Английскому библейскому обществу «через

покупку всех напечатанных иждивением бывшего Российского библейского общества изданий Нового Завета, переведенного под надзором академика Шмидта на монгольский язык одним ученым монголо-бурятom [Татуровым]» (РГИА, ф. 796, л. 3об.).

После обращения Главного Комитета Библейского общества к министру внутренних дел, который в свою очередь обратился к обер-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову, вопрос был рассмотрен на заседании Св. Синода 21 октября 1836 г. Определением от 11 ноября предписывалось:

Уведомить господина министра внутренних дел, что Святейший Синод не может передать из своего ведомства напечатанные на монгольско-бурятском языке экземпляры Нового Завета, потому что они могут быть нужны для греко-российского духовного начальства, так в особенности потому, что они не получили еще одобрения (там же, л. 4–5об.).

Определение было подписано всеми членами Св. Синода: первоприсутствующим в Синоде Серафимом (Глаголевским), митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским, Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским, митрополитом Ионой (Василевским), Филаретом (Амфитеатровым), архиепископом Ярославским, императорским духовником Николаем Музовским и обер-священником армии и флота Василием Кутневичем. Отказ Синода от предоставления книг Нового Завета английским миссионерам был одной из мер противодействия инославной пропаганде в Забайкалье для облегчения задач православной миссии среди буддистов и старообрядцев, проживавших вблизи российской границы.

В 1840 г. Забайкальская британская миссия была закрыта. В рапорте на имя Николая I, поданном в 1838 г., генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт выдвинул предположение о политической неблагонадежности английских миссионеров, подозревая, что вместо христианской проповеди они занимаются «противорусской» политикой среди инородцев и даже шпионажем на востоке страны в пользу своей Великобритании» (Тиваненко 2009, 118). Заметную роль в прекращении деятельности Забайкальской английской миссии сыграл и назначенный на Иркутскую кафедру в апреле 1838 г. преосвященный Нил (Исакович)⁴. Сам факт перемещения в Иркутск епископа-миссионера говорит о том, что российское правительство и синодальные власти рассматривали православную христианизацию народов Восточной Сибири как вопрос государственного значения, в этой связи одной из главных задач преосвященного Нила на Иркутской кафедре стало «обращение и просвещение народов Сибири» (Саймон 2008, 79).

⁴ Архиепископ Ярославский Нил (Исакович; 1799–1874), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 23.04.1838 по 24.12.1853.

В 1840 г. преосвященный Нил направил в Св. Синод рапорт с предложением упразднить Забайкальскую английскую миссию как способствующую «распространению старообрядчества и сектантства во вверенной ему епархии» (Тиваненко 2009, 119). После настойчивых возражений против присутствия в Забайкалье английских миссионеров из опасений, что бурятское население Восточной Сибири окажется под их влиянием, прежние позиции в Петербурге были пересмотрены. Ознакомившись с донесением преосвященного Нила, Св. Синод постановил:

Воспретить поселившимся в Сибири англичанам всякие миссионерские действия и именования себя миссионерами по примеру прекращения Шотландской и Базельской миссий, хотя в действиях сих последних и не усматривалось столько зла, сколько от Английской миссии в Сибири (там же).

В том же определении ставился вопрос о «надлежащем устройстве православной миссии для бурят», составление проекта которой было поручено архиепископу Нилу, а духовно-учебное управление обязывалось обеспечить православную миссию «всеми нужными для сего изданиями на монголо-бурятском языке» (там же). 7 июля 1840 г. определение Св. Синода получило Высочайшее утверждение.

На окончательное решение о депортации британских миссионеров из пограничного с Китаем региона повлияла и начавшаяся в апреле (а фактически в июле, после получения приказа из метрополии) 1840 г. Первая опиумная война Великобритании против Цинской империи. Недовольство императора «в политическом отношении» (Терехов 2003) в связи с присутствием вблизи границы с Китаем британских подданных было вызвано нежеланием подавать повод к росту напряженности в русско-китайских отношениях, о чем свидетельствует и тот факт, что 10 июня 1841 г., в ответ на письменное обращение миссионеров, в котором они просили назначить особое расследование по поводу их образа жизни в Забайкалье и снять с них незаслуженное обвинение, Николай I повелел объявить, что причина закрытия английской миссии заключается в «изменившихся политических обстоятельствах и представившейся возможности учредить миссию из православного духовенства» (Тиваненко 2009, 122).

Митрополит Филарет был в курсе всех перипетий британской миссии в Забайкалье – как член Российского библейского общества он находился в тесных контактах с Пинкертоном и др. (Смирнова 2015), а как член Св. Синода активно участвовал в его работе. Сохранилось воспоминание епископа Кирилла (Богословского-Платонова) о присутствии святителя на одном из синодальных заседаний 1840 г.:

[...] Я сегодня был в Синоде, и Синод не узнал. [...] Сегодня, когда впервые пожаловал в Синод митрополит Московский, все приняло строгий чин и порядок. Прокурор с своими чинами на месте; обер-секретарь с кипю докладов. Начинаются доклады один за другим, выслушиваются решения Синода, без перерыва (сит. по: Никодим 1877, 68–69).

Все последующие годы митрополит Филарет будет с особенным вниманием наблюдать за успехами православной миссионерской деятельности в Забайкалье под руководством архиепископа Иркутского Евсевия (Орлинского), бывшего ректора Московской духовной академии, а также в Алтайском крае, где с конца 1820- гг. действовала Русская Духовная Миссия под управлением его ученика архимандрита Макария (Глухарева).

II

Незадолго до того как последовало запрещение деятельности британских миссионеров, состоялось знакомство митрополита Филарета с аляскинским протоиереем Иоанном Вениаминовым, в июне 1839 г. прибывшим в Петербург с докладом об «обозрении Православной Церкви в российских поселениях в Америке, со своим мнением об улучшении состояния оной». В ожидании осенней сессии Синода, о. Иоанн испросил разрешение отправиться в Москву «для сбора пожертвований на восточное миссионерство» (Барсуков 1997, 136). Там, на Троицком Сухаревском подворье состоялась его встреча с митрополитом Филаретом – судьбоносное событие в жизни священника-миссионера: отныне митрополит Филарет будет всемерно содействовать трудам будущего святителя, а миссионерское служение последнего, как и восхождение по иерархической лестнице будет связано с именем Филарета Московского.

Аляскинский доклад прот. Иоанна был представлен в Синоде 20 января 1840 г. обер-прокурором графом Протасовым. Подготовка отзыва была поручена митрополиту московскому, с учетом замечаний которого была составлена новая смета издержек на содержание Церкви в Российской Америке» (Климент, 2009, 139). Тогда же Филарет отредактировал составленную о. Иоанном особую инструкцию для священников-миссионеров под названием «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» (Инструкция миссионерам 1905). Первоначально принятая для аляскинских миссионеров, инструкция была рекомендована для употребления и в других миссиях Русской Церкви (Климент 2009, 141).

29 ноября 1840 г. на Троицком подворье в Петербурге Филарет Московский совершил постриг о. Иоанна в монашество с наречением ему имени

Иннокентий; в тот же день на Высочайшее рассмотрение был предложен вопрос о восстановлении Камчатской епархии. В синодальном определении отмечалось, что к новой российско-американской епархии могли бы быть отнесены и камчатские церкви, весьма удаленные от иркутского архиерея. В итоге Синод признал нужным: учредить епископскую кафедру российско-американских церквей с подчинением ей камчатских и охотских церквей, назначенному епископу именоваться Северо-Американским и Камчатским и иметь пребывание в Новоархангельске на о-ве Ситха, где находилось Главное управление Российско-Американской компании (РАК).

15 декабря в Казанском соборе совершилась хиротония Иннокентия во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, епархия которого охватывала колонии РАК, Камчатскую и Охотскую область, прежде относившиеся к Иркутской епархии (НИОР РГБ, л. 66). Много лет спустя святитель Иннокентий вспоминал о тех событиях:

До 6 ноября 1840 года, то есть до того времени, как я стал собираться ехать в Америку, ни речи, ни мысли не было ни у кого об учреждении архиерейской кафедры в Америке... Но как и кому пришла первая мысль об этом, может со временем сказать наш трудолюбивый и благонамеренный писатель Андрей Николаевич Муравьев, принимавший в этом самое живое участие; а обо всем прочем, касающемся до меня, может сказать мой преемник, по рассмотрении всех дел и бумаг моих (Барсуков 1997, 129).

К сожалению, Муравьев не оставил обещанных разъяснений, но нет сомнений, что события развивались по сценарию московского святителя. Косвенным подтверждением его участия в деле учреждения камчатской кафедры служит и письмо Филарета к Муравьеву (по поводу рукописи последнего об Иннокентии), в котором святитель просит «не приписывать более должного митрополиту Московскому» (Филарет 1869, 120).

Благодаря письмам-отчетам Иннокентия митрополит Филарет был в курсе всего происходящего на дальневосточных рубежах России; не миновал его и поднятый в 1840-е гг. преосвященным Иннокентием «китайский вопрос». Вынужденный переезд архиепископа Иннокентия в 1850 г. в Аян и обозрение им азиатской части Камчатской епархии открыли новые перспективы миссионерской работы – «распространение света евангельского учения» в Якутии и на Камчатке, где, по его словам, «еще ни один из имеющих право и обязанность проповедывать Евангелие не путешествовал с сей целью не только по коряцким стойбищам, но даже и по ближайшим селениям инородцев» (Барсуков 1997, 271). Имелось в виду и «проповедание слова Божия пограничным подданным Китая», что входило в планы Иннокентия, по свидетельству Барсукова, «еще с 1843 года» (там же, 321–322).

Перенесение кафедры из Иркутска в Аян, а затем в Якутск (1852), позволило архиепископу Иннокентию по-новому взглянуть на проблемы края. Ситуация в пограничных с Китаем областях – неразграниченность территорий с Китаем, активность британских судов вблизи побережья Камчатки, незащищенность населения от иностранного влияния – все требовало неотложных мер правительства, и преосвященный Иннокентий, наряду с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, был одним из главных действующих лиц в решении этих вопросов.

Отдельного упоминания заслуживает участие митрополита Филарета в судьбе православной диаспоры в китайской Кульдже⁵ в начале 1850-х гг., о чем известно из записки афонского постриженника Парфения (Аггеева) под названием «Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи» (Парфений 1878, 9–16).

Инок Парфений, в 1845 г. отправившийся по благословению духовника с Афона через Иерусалим в Сибирь и с 1847 г. проживавший в Томском архиерейском доме, в 1851 г. сообщил митрополиту Филарету о проживании в китайской Кульдже большой общины потомков пленных албазинцев, о существовании которой до того времени не было известно ни в Пекине, где была Русская Духовная Миссия, ни в России. В своей записке Парфений изложил разговор с местным купцом, который во время поездки по торговым делам в Бухару и Китай встретил в Кульдже китайца, называвшего себя «русским и христианином». Как следовало из рассказа православного китайца, после того, как в 1712 г. в Пекине умер священник Максим, окормлявший пленных албазинцев, они обратились к китайскому правительству за разрешением выписать из России нового священника, но получили отказ, а затем, из-за их настоятельных просьб, «пятьдесят семейств сослали в Кульджу» (там же).

На вопрос китайских албазинцев, «зачем нас бросила Россия», русский «брат» отвечал, что в России не знают о существовании Кульджи и тем более не подозревают, что там живут потомки русских. По просьбе Парфения, томский купец записал эту историю, после чего афонский инок «переписал ее своею рукою и при своем письме послал в Москву к митрополиту Филарету в 1851 году» (там же, 14). Парфений не поясняет, почему он решил обратиться именно к Филарету; возможно, эту мысль ему подсказал преосвященный

⁵ Китайской Кульджой (совр. Хуэйюань) в российской историографии сер. XIX в. называли крепость, основанную в 1762 г. и расположенную в 30 км к северо-западу от Кульджи таранчинской (Инин), находящейся на северном берегу р. Или в 100 км к востоку от границы Китая с Алмаатинской областью Казахстана на так называемой Кульджинской равнине. Если таранчинская, или старая, Кульджа была центром русско-китайской торговли, то Кульджа китайская, или новая, являлась центром китайской администрации в регионе.

Афанасий (Соколов), епископ Томский и Енисейский⁶, но, скорее, это связано с тем, что в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре по благословению митрополита Филарета пребывали молдавские старцы, соотечественники и единомышленники Парфения, перешедшие вместе с ним в 1839 г. из раскола в православие (*Гефсиманский скит... 1899*) (в августе 1854 г. в Гефсиманский скит будет определен и сам Парфений).

Ознакомившись с историей потомков албазинских пленных, желавших «иметь священника и церковь», митрополит Филарет обратился за советом к архимандриту Антонию (Медведеву):

Прочитайте прилагаемые бумаги старца Парфения, – писал Филарет 8 января 1852 г. – Они длинные, но, надеюсь, не будут для Вас скучны. Что тут делать? Хорошо бы скрыть в караване священника и послать в Бухарию и в Китай. Но как это сделать? Св. Синод не решится без сношения с Министерством иностранных дел; а оно будет видеть в сем только политическую опасность. Надоумьте меня (Филарет 2007, 2, 119).

Письмо Парфения Филарет переслал к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову, который сообщил его содержание императору Николаю Павловичу. Если Филарета заботило удовлетворение духовных потребностей потомков бывших российских подданных и возвращение их к «христианскому закону», то в Петербурге был поставлен вопрос о территориальной принадлежности Киргизской степи. Уже к зиме 1852 г. там возникло пограничное казачье поселение Верный, получившее в феврале 1854 г. статус города (совр. Алма-Ата).

Эти события отразились и на судьбе кульджийских «русских христиан», которые переехали в Россию, крестились, стали носить русскую одежду, говорить по-русски, выстроили церкви и училища, «вообще сделались совершенно русскими и истинными христианами» (Парфений 1878, 16). Таким образом, можно говорить о том, что в решении вопроса об укреплении границы с Китаем со стороны современного Казахстана и усилении там православного влияния немаловажную роль сыграли донесения инока Парфения и митрополита Филарета.

III

Крымская война потребовала пересмотра всей церковно-дипломатической стратегии Российской империи, обозначив новые приоритеты ее внешней политики как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке. Опыт первой половины

⁶ Архиепископ Казанский и Свияжский Афанасий (Соколов; 1801–1868), с 25.06.1841 епископ Томский и Енисейский, с 24.12.1853 архиепископ Иркутский и Нерчинский, с 3.11.1856 по 9.11.1866 архиепископ Казанский и Свияжский.

XIX в. – эпохи миссионерского проникновения западных держав в Османскую империю и цинский Китай – убеждал, что для укрепления позиций России в этих регионах удобнее и надежнее действовать по уже налаженным церковным каналам (Gordon-Cumming 1889; Montgomery, Stock 1905; Такер 1998; Дацышен 2007; Лисовой, Смирнова 2015; Смирнова 2015). Наряду с видными государственными деятелями и дипломатами, такими как великий князь Константин Николаевич, князь А. М. Горчаков, граф Е. В. Путятин, граф Н. П. Игнатъев, в формировании курса церковной политики в Китае и Приамурье приняли участие выдающиеся российские иерархи Филарет (Дроздов) и Иннокентий (Вениаминов) (Смирнова 2016).

В апреле 1858 г. был фактически решен вопрос о переносе Камчатской кафедры в Благовещенск. Этот важный в политическом отношении шаг, с энтузиазмом встреченный российским духовенством, укреплял позиции России в Русской Америке и на Дальнем Востоке. В ожидании разрешения вопроса о российско-китайской границе Филарет писал архимандриту Антонию: «О монастырях по Амуру думать рано. И то, что делается, делается довольно смело. Еще вопрос о принадлежности сего края не бесспорен». По поводу планов Евсевия Иркутского готовить в Китайской миссии миссионеров для Приамурья, митрополит отозвался: «Это долго. Я говорил графу [Н. Н. Муравьеву], чтобы изыскать меры поспешнее» (Филарет 2007, 3, 57). (Позже граф Муравьев-Амурский благодарил митрополита Филарета за благословение на предстоявшие ему труды, связанные с расширением губернии:

Благословение Ваше на устройство нового края, – писал он 15 октября 1858 г., – принимаю как вернейший залог успеха и в свое время не премину довести до Вашего сведения о последствиях наших там начинаний, когда Бог позволит мне лично представиться в Москве Вашему Высокопреосвященству (Львов 1990, 471–472).

В мае 1858 г. преосвященный Иннокентий сопровождал Муравьева в плавании по Амуру для участия в переговорах о русско-китайской границе, завершившихся подписанием Айгунского договора (16 мая 1858 г.), по которому Амурский край перешел к Российской империи; итогом дипломатического посольства Путятина в Китай (1857–1858) (Кадырбаев 2009; 2014) стал Тяньцзиньский трактат (1 июня 1858 г.); в 1860 г. Игнатъев подписал Пекинский трактат, закреплявший за Россией территории нижнего Амура (от устья Уссури) и Уссурийский край (Игнатъев 1895) – эти меры запустили механизм формирования новой программы православного присутствия на Дальнем Востоке и в Китае.

Для развития российско-китайских отношений определяющими стали донесения графа Путятина о конфессиональной ситуации в Китае (Путятин 1916, 10–16), где шла речь о важности духовного влияния на языческие народы

Дальнего Востока. В частных беседах в московском доме синодального обер-прокурора дипломат поделился своими соображениями о значении православного миссионерства в политическом отношении:

Если мы не будем иметь в тех странах правильных миссий, то дела наши не получат прочности... Пока мы думаем, католики и протестанты действуют, и если мы себя не оградим, то они, прошед Китай и Тибет, подойдут к нашим границам и перейдут чрез них (Леонид 2012, 221).

На фоне отлаженной работы католиков и протестантов успехи русских миссионеров казались Путятину столь ничтожными, что он допускал возможность «отказаться и, вероятно, навсегда от участия в сем деле» или же вести совместную работу с католиками, пользуясь их опытом (Путятин 1916, 15). Решение этого важного вопроса, по мнению дипломата, целиком зависело от дальнейших распоряжений духовных и светских властей. На рапорте графа Путятин Александр II оставил собственноручную резолюцию: «Насчет миссионеров войти в сношение с обер-прокурором Св. Синода и сообщить, какие меры признается полезным принять» (там же).

Митрополит Филарет, ознакомившись с рапортом, счел нужным выступить в защиту Пекинской Духовной Миссии. «Для чего сделано это несчастное предположение? – писал святитель. – Для чего произнесено даже отчаянное слово “навсегда”? Если бы не нашлось для сего средств теперь, почему не стараться найти оных и не надеяться, что оные будут изысканы и употреблены?» (Филарет 1888, 5/2, 647) Филарет не считал возможным участвовать в христианизации китайцев совместно с католическими миссионерами, предвидя затруднения от того, что «пред китайцами рядом, рука об руку, явятся христиане Восточной и Западной Церкви, не единомысленные». В то же время, не оставляя надежду «видеть Православную Россию деятельно участвующей в сем подвиге», митрополит Филарет предлагал «действовать отдельно», начав дело с сухопутной границы, не пересекаясь там с иностранными миссионерами, но и не оставляя в бездействии Пекинскую Миссию (Там же). (Характерно, что в 1866 г. в аналогичном положении оказалась Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, когда обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой, из-за расхождения во мнениях светских и церковных дипломатов, предложил ее «совершенное уничтожение» (Смирнова 2014, 413–415). Обе Миссии были сохранены лишь благодаря вмешательству московского святителя).

В другом отзыве, относившемся к учреждению миссионерского заведения, Филарет подчеркнул важность русского православного присутствия в дальневосточном регионе:

Наблюдение над распространением христианства в Китае иностранными миссиями и свобода, приобретенная христианству в Китае новым трактатом, уже возбудили голос, неужели Россия откажется от участия в сем деле со своей стороны? Неужели допустить иностранных миссионеров проникнуть и сюда и распространить здесь свои действия, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных, и государственных видов? (Филарет 1886, 4, 376).

Позиция московского митрополита предопределила дальнейшие меры Министерства иностранных дел и Святейшего Синода по вопросу православной проповеди на территориях Приамурья и Приморья, а также по реорганизации Русской Духовной Миссии в Пекине. В фонде канцелярии Св. Синода сохранилось письмо обер-прокурора Св. Синода А. П. Ахматова к митрополиту Филарету от 6 мая 1864 г., при котором «на усмотрение» последнего были направлены отзыв о кандидате в начальника Пекинской РДМ архимандрите Палладии (Кафарове) и выписка из письма российского посланника в Пекине А. Г. Влангали к директору Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьеву от 1 февраля 1864 г., содержавшего наблюдения и замечания о ситуации в Пекине и положении русской Миссии (РГИА, ф. 797, 22–23).

В отзыве на записку Влангали Филарет поддержал мнение тех, кто не считал делом первостепенной важности повышать статус начальника Миссии, назначив в Пекин епископа (один из основных пунктов обсуждения при согласовании новой инструкции РДМ):

Учредить православное епископство в Китае неудобно: для 200 христиан открывать епархию – много. «С деньгами наwerbовать христиан» – будет ли истинное приобретение для Церкви Христовой? Если папство позволяет умножение людей и расходов, мы не богаты... Лучше не восходить, чтобы не падать (Филарет 1888, 5/2, 571).

Отзыв Филарета дал И. К. Смоличу повод утверждать, что точка зрения московского святителя была решающей при назначении в Пекин архимандрита (Смолич 1997, 266); то же мнение продолжают разделять современные историки миссионерства (Ефимов 2007). На самом деле отзыв Филарета поступил значительно позже того как окончательное решение, принятое в Гос. Совете, получило Высочайшее одобрение, и навряд ли мог повлиять на принятое еще в ноябре 1863 г. решение, с другой стороны, имея в виду близкие отношения святителя с семьей Мухановых и лично с Н. А. Мухановым, товарищем министра иностранных дел в 1861–1866 гг., а также с самим министром князем Горчаковым, нельзя исключать того, что это мнение могло быть высказано раньше в частных беседах.

Таким образом, на протяжении 1860–1867 гг. митрополиту Филарету неоднократно приходилось составлять отзывы по тем или иным делам русского

православного присутствия в Приамурье и Китае – в 1860–1864 гг. он участвовал в составлении проекта преобразования Пекинской Духовной Миссии, в 1860–1866 гг. разрабатывал концепцию Миссионерской академии, в 1862 г. исправил и дополнил свод правил «обеспечения духовенства в Приамурском крае», предназначенных и для других российских епархий (кроме западных) (Филарет 1887, 5/1, 291–298), содействовал назначению вернувшегося в Россию начальника РДМ в Пекине архимандрита Гурия (Карпова) настоятелем Московского Симонова монастыря (Леонид 1909, 441–443). История российского церковно-дипломатического присутствия в дальневосточном регионе позволяет утверждать, что российские иерархи зачастую лучше дипломатов понимали государственные задачи России, принимая непосредственное участие в становлении мирного православного присутствия в стратегически важных регионах, и ключевая роль в «церковной геополитике» Российской империи принадлежала митрополиту Московскому Филарету (Дроздову).

Библиография

- GORDON-CUMMING, C. F. (1889), Notes on China and its missions. London.
- Guide to the Council for World Mission (2014), B: London Missionary Society Archive. 1764–1977. The Library School of Oriental and African Studies (<http://archives.soas.ac.uk>).
- MONTGOMERY, H. H./ Stock, E. (1905), Christian missions in the Far East. London.
- БАРСУКОВ, И. П. (1997), Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Москва.
- Гефсиманский скит и пещеры при нем. СТСЛ (1899).
- ДАЦЫШЕН, В. Г. (2007), Христианство в Китае: история и современность. Москва.
- Ефимов, А. Б. (2007), Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. Москва.
- Зуев, А. С./Ноздрин, Г. А./Матханова, Н. П./Ильиных, В. А. (2009), Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока, Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск.
- [Игнатъев, Н. П.] (1895), Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. Санкт-Петербург.
- Инструкция миссионерам [1840] (1905), Известия Братства Православной Церкви в Китае/1, 21–22; 2–3, 28–34; 4–5, 18–25.
- КАДЫРБАЕВ, А. Ш. (2009), Россия на рубежах Дальнего Востока накануне посольства Е. В. Путятина в Китай (1844–1857 гг.). В: Восточный архив. 2 (20), 51–57.
- КАДЫРБАЕВ, А. Ш. (2014), У истоков миссии Е. В. Путятина ко двору императора Цин. В: Восточный архив. 2 (30), 4–7.
- КЛИМЕНТ (КАПАЛИН), митрополит (2009), Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. Москва.
- [ЛЕОНИД (КРАСНОПЕКОВ), архиепископ] (1909), Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. В: Московский церковный вестник. 26, 441–443.
- ЛЕОНИД (КРАСНОПЕКОВ), архиепископ (2012), Записки московского викария. Москва.
- Лисовой, Н. Н./Смирнова, И. Ю. (2015), Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. Санкт-Петербург.

- Львов, А. Н. (ред.) (1900), Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812–1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями. Санкт-Петербург.
- Никодим (КАЗАНЦЕВ), епископ. (1877), О Филарете, митрополите Московском, моя память. Москва.
- НИОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 51. Л. 66.
- [ПАРФЕНИЙ (АГТЕЕВ), иеросхимонах] (1878), Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: рукопись инока Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным. В: Русский вестник. 9, 9–16.
- ПЕТРОВ, А. Ю./митрополит Климент (Капалин)/Малахов, М. Г. и др. (2011), История и наследие Русской Америки. В: Вестник РАН. 12, 1090–1099.
- ПУТЯТИН, Е. В., граф (1916), Письмо к обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. Гонконг, 2/14 ноября 1857 г. В: Китайский благовестник. 7–8, 10–12.
- ПУТЯТИН, Е. В., граф (1916), Рапорт на имя великого князя Константина Николаевича. Тяньцзинь, июнь 1858 г. В: Китайский благовестник. 7–8, 13–16.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Ед. хр. 41. Л. 3–5об.
- РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Отделение II. Стол 3. Ед. хр. 77.
- САЙМОН, К. (2008), Латинские цитаты в «Путевых заметках» архиепископа Нила (Исаковича). В: Филаретовский альманах. 4, 77–92.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2010), Митрополит Московский Филарет и контакты с представителями западных конфессий в середине XIX в.: по документам российских архивов. В: Отечественные архивы. 4, 28–33.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2012) Письменные источники по истории первой русской епархии в Северной Америке: московские святители Филарет и Иннокентий и Православная Церковь в Калифорнии. В: Отечественные архивы. 4, 40–50.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2012), Конфессиональные перекрестки Святой Земли: англо-американское религиозное присутствие в свете российской политики XIX в. В: Дипломатическая служба. 6, 45–53.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2014), Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. Москва.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2015), Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. Москва.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2016), Церковно-дипломатический аспект русско-китайских отношений в сер. XIX в. В: Сборник материалов Первой научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» [в печати].
- СМОЛИЧ, И. К. (1997), История Русской Церкви. Москва.
- ТАКЕР, Р. (1998), От Иерусалима до края земли. Санкт-Петербург.
- ТЕРЕХОВ, А. М. (2003), Борьба с религиозной экспансией католицизма и протестантизма на востоке России в XIX веке. В: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/4.html.
- ТИВАНЕНКО, А. В. (2009), История Английской духовной миссии в Забайкалье. Улан-Удэ.
- ФИЛАРЕТ, митрополит Московский (1869), Письма к А. Н. М^уравьеву. Киев.
- [ФИЛАРЕТ, митрополит Московский] (1886), Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. Санкт-Петербург.
- [ФИЛАРЕТ, митрополит Московский] (1885–1888), Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. I–V. Санкт-Петербург / Москва.
- ФИЛАРЕТ, митрополит Московский, свт. (2007), Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. Т. 1–3. СТСЛ.